

О соотношении *-л-*форм и причастий на *-ъш/-въш-* в древнерусском языке

© 2020

Мария Вадимовна Ермолова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; maria-anna2121@yandex.ru

Аннотация: Традиционно считается, что *-л-*форму без связки, употребленную не в перфектном значении, следует рассматривать как бывшую форму бессвязочного перфекта, превратившегося в живой речи в единственную форму прошедшего времени. Однако анализ русских летописей показал, что примеры с таким употреблением в нарративе распределяются на несколько типов контекстов. Данная статья посвящена одной из таких групп, использование в которой *-л-*формы оказывается последовательным и закономерным, если интерпретировать ее как употребленную в функции причастия прошедшего времени на *-ъш/-въш-*. Эта гипотеза подтверждается как отдельными языковыми фактами из истории русского языка, так и материалом других славянских языков. В работе показано, что, по всей видимости, можно говорить о функциональной синонимии двух причастных образований на *-л-* и *-ъш/-въш-*.

Ключевые слова: древнерусский язык, летописи, перфект, причастия

Для цитирования: Ермолова М. В. О соотношении *-л-*форм и причастий на *-ъш/-въш-* в древнерусском языке. *Вопросы языкознания*, 2020, 3: 78–100.

DOI: 10.31857/S0373658X0009346-9

The relationship between *l*-forms and *-ъш/-въш-* participles in Old Russian

Maria V. Ermolova

National Research University Higher School of Economics; Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; maria-anna2121@yandex.ru

Abstract: *L*-form used without auxiliary in the non-perfect meaning is traditionally regarded as a former form of the perfect tense, which had changed into the only past tense form in the live speech. However, the analysis of Russian chronicles has shown that contexts with such use of *l*-forms can be divided in several types. This article discusses one of these types, where the use of *l*-forms can be explained if we interpret them as used in the function of *-ъш/-въш-* participles. This hypothesis is confirmed by several linguistic facts from the history of the Russian language, as well as the material of other Slavic languages. It will be shown that, apparently, we can talk about the functional synonymy of two participial formations: *l*-forms and *-ъш/-въш-* forms.

Keywords: chronicles, Old Russian, participles, perfect

For citation: Ermolova M. V. The relationship between *l*-forms and *-ъш/-въш-* participles in Old Russian.

Voprosy Jazykoznanija, 2020, 3: 78–100.

DOI: 10.31857/S0373658X0009346-9

1. Вводные замечания

Как известно, в древнерусском языке было два типа действительных причастий прошедшего времени: склоняемые с суффиксом *-ъи/-въи-* (*неъъи / видѣвъи, видѣвъъи*) и несклоняемые с суффиксом *-л-* (*ходилъ, -а, -о*). Традиционно считается, что последние позволяет относить к причастиям исключительно тот факт, что они имели формы родов и чисел и согласовывались в этих формах с подлежащим. Синтаксические же функции причастий на *-ъи/-въи-* и *-л-* были совершенно различны и не пересекались.

Как, однако, показал анализ ряда древнерусских и старорусских летописей, можно говорить о существовавшей некогда функциональной синонимии двух причастных образований. Значительная часть контекстов, употребление в которых *-л-* формы ранее объяснялось ее превращением в нейтральную форму прошедшего времени, должна быть пересмотрена. По всей видимости, *-л-* форма без связки могла использоваться в функциях, типичных для действительных причастий прошедшего времени на *-ъи/-въи-*, что позволяет пересмотреть принятые представления об истории ее развития.

Статья состоит из четырех разделов. Первый представляет собой введение с кратким описанием функций *-л-* формы и причастий на *-ъи/-въи-* в древнерусском и характеристикой проанализированных памятников. Во втором разделе приводятся различные языковые факты из истории как русского, так и других славянских языков, подтверждающие гипотезу о функциональной синонимии *-л-* формы и причастий на *-ъи/-въи-*. В третьем рассматриваются типы контекстов, в которых *-л-* форма употребляется в качестве «обычного» причастия прошедшего времени. В конце формулируются выводы.

1.1. *-л-* форма традиционно рассматривается как составная часть одного из трех сложных времен: перфекта (*есть ходилъ*), плюсквамперфекта (*бѣше(ть) / бѣ ходилъ / естъ былъ ходилъ*) и второго будущего (*будеть ходилъ*) (ср., например, [Мейе 1934/2000; Борковский, Кузнецов 1963/2009; Горшкова, Хабургаев 1981] и др.). *-л-* форма, употребленная в отношении прошедшего времени без связки, традиционно интерпретируется как перфект и не рассматривается отдельно от форм со связкой. Все исследователи сходятся в том, что употребление *-л-* формы не в перфектном значении и утрата перфектной формой связки так или иначе является следствием ее превращения в единственную форму прошедшего времени в живом языке (ср. [Якубинский 1953: 240–243; Кузнецов 1959: 214–230; Семяно 1963, Фроянова 1970; Горшкова, Хабургаев 1981: 325–341; Белова 1999; Попова 1999; Швелева 2001; 2009; 2015] и др.). Попытки выделения типа синтаксических структур и контекстов, наиболее частотных для *-л-* форм в нарративе, практически не предпринимались (важным исключением являются работы [Klenin 1993; Петрухин 2004; 2008]).

Причастия на *-ъи/-въи-* (в краткой форме), совмещая предикативное и обстоятельственное значение, чаще всего выполняли функцию второстепенного (дополнительного) сказуемого, вторичной предикации. При этом они могли соединяться с личной формой глагола либо союзно, с помощью союзов *а, и, ти* (конструкция типа «*вставь и рече*»): ИЛ КЛ л. 126 и *ѡтѡуда идоша Мцьнескоу. Стѣславичемъ и съ Гюргевичемъ* и с Половци и тоу *дѣлавъ имъ дары многы и поиде къ градуу*; либо бессоюзно, ср.: ИЛ КЛ л. 129 об. и *вземше и положиша въ цркви стго Михаила*.

Сам термин «второстепенное сказуемое», предложенный А. А. Потебней [Потебня 1888/1958: 185], указывает на дополнительность действия, его меньшую значимость по сравнению с главным сказуемым. В. В. Колесов [1976: 93] считает, что использование причастий и личных форм глагола служило для указания на «реальное отражение последовательности событий, на важность одного из них (выраженного аористом) и зависимость другого (выраженного причастной формой)». Т. Н. Попова [1999: 137] отмечает, что причастие в большинстве случаев обозначает действие «добавочное, комментирующее по отношению к основному, выраженному аористом (или презенсом)».

Регулярным было использование причастий в определенном типе зависимых предикаций, описанных А. А. Потебней [1888/1958: 208–232] и А. А. Пичхадзе [2011] (подробнее см. ниже).

Здесь кажется уместным коснуться вопроса о финитности / нефинитности причастных форм в древнерусском языке. Как известно, в отношении индоевропейских языков принято полагать, что причастия и деепричастия как неспрягаемые формы, сочетающие в себе «свойства глагола и других частей речи», считаются нефинитными, т. е. неспособными выступать в качестве предиката независимого предложения [Калинина 2001: 44]. По всей видимости, в древнерусском языке дело обстоит иначе.

С одной стороны, причастия действительно чаще всего «обозначают второстепенное действие, предшествующее действию глагола-сказуемого» [Дмитриева 1963: 6], т. е. выступают аналогом современного русского деепричастия, ср.: ИЛ КЛ л. 216 **слышав** же Всеволодъ аже прислалъ Стѣславъ сѣа своего. помагалъ зати своему. и **позва** и к (с)ѡбѣ. С другой стороны, в некоторых случаях «причастие может быть понято как одно из однородных сказуемых» [Там же: 15], ср.: Пск. II л. 54 **подоша** погани на приступъ и **возшедше** на провитое место и **повиша** ихъ множество из оужия. Одной из характерных особенностей древнерусского синтаксиса была также возможность употребления причастия при подлежащем без наличия другого сказуемого. А. А. Потебня [1888/1958: 199] назвал такую конструкцию именительным самостоятельным, ср.: ИЛ. л. 124 И **пришедъ** Изяславъ Мстиславичъ къ Киеву, и въ Игорьъ **разобѣлся** в порѣ и въ воленъ велми. В подобных случаях причастие является предикатом независимого предложения, т. е. используется финитно. Такое употребление причастий отличается от конструкций типа «*вставь (и) рече*», где функцию причастия принято трактовать как деепричастную, лишь тем, что «в предложении с именительным самостоятельным подлежащие главного и второстепенного сказуемого различны» [Там же]. Таким образом, вполне возможно, что в сочетаниях типа «*вставь и рече*» причастие также является финитной формой. Решение этого вопроса не входит в задачи данной статьи и требует дальнейшего изучения, однако кажется важным констатировать, что в древнерусском языке распределение на финитные и нефинитные формы определенно отличалось от современного русского и что было возможным финитное употребление причастных форм¹.

1.2. В статье приводятся результаты анализа русских летописей, различных как по территориальной принадлежности, так и по времени написания. Были исследованы следующие **летописи** (см. список сокращений):

¹ Возможность использования причастий в древнерусском языке и финитно в качестве сказуемого независимого предложения, и нефинитно в атрибутивной функции типологически сближает древнерусский язык, а также часть современных русских говоров с рядом других языков мира. Финитное использование причастий в типологической перспективе на материале 40 языков проанализировано Е. Ю. Калининой [2001]. Автор выявляет следующую универсалию: «если в языке существуют такие формы, для которых “финитное” употребление в качестве сказуемого независимого предложения и “нефинитное” употребление в актантной и атрибутивных функциях являются в равной степени маркированными, то в этом языке возможно также именное сказуемое без глагола-связки» [Там же: 111]. Возможность употребления именного сказуемого без глагола-связки может реализовываться в языках несколькими способами. Древнерусский язык, по всей видимости, использует первый из описанных Калининой способов, а именно: «глагол-связка отсутствует (в прошедшем времени связка также может отсутствовать)» [Там же]. Как известно, для (древне)русского языка нормально отсутствие связки при именном сказуемом в настоящем времени. Пропуск связки теоретически возможен и в прошедшем времени, ср.: Пск. I л. 48 а **посулиша** князю Витовту **мзды** тысячу рублевъ, а **полоненых** подавалъ на поруку **посадникомъ псковскимъ**, **которыя** **полонены** пот Котельном псковския рати 13 муж (подробнее см. [Скачедубова 2018a]).

- летописи северо-западной локализации: Новгородская первая летопись старшего извода и младшего извода по Комиссионному списку² (по изд. [НПЛ ст. и мл.]), Псковская первая летопись по Тихановскому списку³ (по изд. [ПСРЛ, 5, Вып. 1]), Псковская вторая летопись по Синодальному списку⁴ (по изд. [ПСРЛ, 5, Вып. 2]);
- летописи юго-западной локализации: Ипатьевская летопись по Ипатьевскому списку (летопись состоит из четырех частей: Повести временных лет, Киевской, Галицкой и Волынской летописей), также привлекаются разночтения по Хлебниковскому и Погодинскому спискам⁵ (по изд. [ПСРЛ, 2]);
- летописи центральной локализации: Лаврентьевская летопись (состоящая из Повести временных лет и Суздальской летописи)⁶, продолжение Суздальской летописи по Академическому списку⁷ (по изд. [ПСРЛ, 1]).

2. Отдельные факты, свидетельствующие о возможности причастного функционирования *-л*-форм

В разделе 2 анализируется ряд контекстов из перечисленных летописей и показывается, что *-л*-форма, употребленная в нарративе не в перфектном значении, далеко не всегда должна пониматься как употребленная, под влиянием живого языка, в качестве единственной формы прошедшего времени. В большом количестве случаев она, по всей видимости, реализует свои причастные свойства и выступает в функциях, типичных для причастий на *-ъш/-въш-*. Хотя такой подход к анализу *-л*-форм в древнерусском языке применяется впервые, в работах как русских, так и зарубежных исследователей можно найти краткие замечания о возможности *-л*-формы функционировать как «обычное» причастие

² НПЛ ст. представлена единственным списком (Синодальным) и состоит из двух частей. Первая часть писана двумя почерками ок. 1234 и освещает события с 1016 до 1234 г. (начало летописи утрачено). Вторая часть, переписанная ок. 1330 г., доводит изложение до 1330 г. и имеет приписки, сделанные разными почерками и доходящие до середины XIV в. НПЛ мл. была составлена в конце 30-х гг. XV в. и дошла до нас в двух списках — Академическом (40-е гг. XV в.) и Комиссионном (2-я половина XV в.). НПЛ мл. представляет собой гораздо более объемный памятник. Извод близок НПЛ ст., но продолжает его до 40-х гг. XV в. [Лихачев 1987: 246; Гишпиус 1997].

³ Тихановский список писан полууставом 1-й половины XVII в. и доводит события до 1469 г. Он представляет собой свод 1469 г. [ПСРЛ, 5, Вып. 1].

⁴ Псковская вторая летопись представлена единственным списком — Синодальным, переписанным в конце XV в. События доводятся до 1486 г. Б. М. Клосс предполагает, что этот список чрезвычайно близок ко времени составления свода [ПСРЛ, 5, Вып. 1].

⁵ ИЛ является списком с южнорусского летописного свода, составленного в XIV в., и датируется первой четвертью XV в. Хлебниковский список XVI в. восходит к тому же оригиналу, что и Ипатьевский список. Погодинский список является точной копией Хлебниковского списка XVII в. (по изд. [ПСРЛ, 2]) [Лихачев 1987: 238].

⁶ Лаврентьевская летопись — летопись XIV в., сохранившаяся в единственном списке 1377 г. В состав ЛЛ входит также «Поучение Владимира Мономаха». Этот текст исключается из нашего анализа, т. к. сильно отличается от летописного жанра как в стилистическом, так и языковом отношении. Язык «Поучения» «в значительной степени близок к живому древнерусскому языку и отражает не книжные черты на всех уровнях» [Шевелева 2015: 565]; временные формы «Поучения» разобраны М. Н. Шевелевой подробно.

⁷ Летопись по академическому списку сохранилась в рукописи конца XV в. Ее текст принадлежит к одной группе с ЛЛ, однако с 1205 г. текст рукописи значительно отличается от текста ЛЛ [ПСРЛ, 1]. В данной работе к анализу привлекается часть Ак., охватывающая события с 1205 по 1419 г.

или описания других языковых явлений, косвенно свидетельствующих об этом факте, которые и будут рассмотрены ниже.

2.1. Всем славянским языкам в разной степени известны **прилагательные, восходящие к -л-причастиям**, ср. русск.: *усталый, вялый, гиблый*. Широко такие формы представлены в диалектах, в большом количестве они зафиксированы в словаре В. И. Даля: *иззяблый, горклый, мерзлый, мерклый*. Шире, чем в русском, такие формы распространены в украинском языке: *змерзлий, посивільий, біглий*. Аналогичные образования часты в чешском: *zahynulý, rodilý, přišlý*; польском: *ogłupiały, odrętwiały, oschły*; словенском: *otekel, osirotel, ovenel* и других славянских языках.

Согласно результатам работ И. П. Чиркиной [1954] и П. С. Сигалова [1967], подавляющее большинство -л-прилагательных в современном русском языке и русских говорах образовано от инхоативных глаголов, т. е. обозначающих постепенное приобретение предметом какого-либо качества или постепенную утрату качества, ср.: *одеревенелый, одичалый, оледенелый, осиротелый, засохлый, набухлый, замерзлый* и т. п. К таким же выводам на основе анализа лексического состава -л-прилагательных, их морфемного состава и производящих их глагольных основ в памятниках русского языка XI–XVII вв. приходит Е. В. Корчагина [1995: 10]: основная часть прилагательных образована от статальных глаголов и глаголов, обозначающих «процесс изменения состоянии субъекта или результат этого процесса».

В украинском, белорусском, чешском и польском языках наблюдается схожая картина. Основной группой глаголов, от которых образуются -л-прилагательные, являются статальные и инхоативные [Сигалов 1967; Корещу́ 1958], и эти образования гораздо более регулярны, чем в русском языке. Так, в чешском языке «от каждого приставочного глагола на *-ěti, -ati* со значением завершения перехода в какое-либо состояние возможно эловое образование» [Сигалов 1967: 16].

П. С. Сигалов задается вопросом, почему именно обсуждаемые группы глаголов послужили источником для образования -л-прилагательных. Исследователь считает, что это связано с перфектным значением -л-форм инхоативных глаголов. Результативное значение старого образования на -л- утратилось, однако отдельные глаголы, в силу своих лексико-грамматических особенностей, его сохранили.

Вопреки распространенному мнению об архаичности -л-прилагательных⁸, исследователи, занимающиеся вопросом времени их происхождения, приходят к выводу, что обсуждаемый способ образования прилагательных становится продуктивным в более позднюю эпоху, приблизительно с XV–XVI вв., все чаще они выступают в памятниках XVII–XVIII вв. [Сигалов 1967: 24; Корчагина 1995: 17–18]. К 84% -л-прилагательных, представленным в [СлРЯ XI–XVII], приводятся примеры именно XVI–XVII вв. В белорусском языке -л-прилагательные также становятся широко употребительными с XVI–XVII вв. [Ляончанка 1957: 155].

Таким образом, тот факт, что продуктивной модель образования -л-прилагательных становится довольно поздно, лишь в XVI–XVII вв., служит доказательством сохранения причастного характера -л-формы вплоть до указанных веков. Если считать, как это делается традиционно, что употребление -л-формы без связки не в перфектном значении в древнерусских текстах так или иначе связано с ее превращением в единственную форму прошедшего времени, утратившую связь с именем [Якубинский 1953: 240–243; Кузнецов 1959: 214–230; Семянко 1963; Фроянова 1970; Горшкова, Хабургаев 1981: 325–341; Попова 1999; Белова 1999; Шевелева 2001; 2009; 2015], то образование огромного

⁸ Как отмечает Е. В. Корчагина [1995: 5], наиболее распространенная гипотеза сводится к следующему: «В общеславянском языке эловые причастия функционировали как в краткой, так и в полной форме. Позднее нечленные причастия вошли в парадигму глагола, членные же адъективировались».

количества *-л*-прилагательных в XVI–XVII вв. оказывается необъяснимым с точки зрения логики развития языка.

Поздний процесс образования членных *-л*-прилагательных, без сомнения, связан с процессом превращения *-л*-формы в единственную форму прошедшего времени и утратой ею каких-либо причастных признаков. Будучи некогда причастием (т. е. сочетая в себе именные и глагольные признаки), *-л*-форма, после того как в языке появилась потребность в единственной финитной форме прошедшего времени, теряет свои причастные свойства, «разделяясь» на две части речи: она становится либо полноценной глагольной формой (финитной), либо именной (прилагательным).

2.2. О том, что в определенный момент два причастных образования оказываются синонимичными, говорят и формы типа *всталиши*, *обулиши*. О происхождении таких форм высказывалось два предположения: 1) [л] в образованиях этого типа обязано своим происхождением существованию совпадающих вариантов произношения фонем <в> и <л> — [ÿ] [Обнорский 1953: 232], 2) образования типа *всталиши* появились в результате взаимодействия на грамматическом уровне образований типа *вставиши* и форм пр. вр. на основе их генетического родства и параллельного употребления в предикативной функции [Кузнецов 1954: 91]. И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко склоняются к тому, что свою роль сыграли оба фактора: «Можно думать, что замена варианта *вста[ÿ]ши*, возникшего фонетическим путем, вариантом *всталиши* произошла уже под воздействием грамматического фактора» [Историческая грамматика 1982: 300]. Такая интерпретация кажется наиболее возможной, т. к. весь наш материал свидетельствует о существовавшей в некоторый период синонимии двух причастных образований (см. далее).

Об употреблении *-л*-форм непосредственно в причастном значении в древнерусском языке писал А. А. Потебня [1888/1958: 239–243]. Он отмечает, что такие примеры редки, но тем не менее существуют, ср. два древних примера из НПЛ мл. и Кирилла Туровского: милостьни, *съв(ъ)купилася* (= совокоупившися) *съ* постомъ и молитвою, *отъ* смерти *избавляетъ* чловѣка (НПЛ мл. л. 181 об.); *вѣси въпяяху*: «кто се естъ царь славы, съ толикою на ны *пришелъ* (= *пришедший?*) властью» Кирилл Туровский Калайд., 38–39. Остальные примеры исследователь приводит из памятников XVII в. и позже, ср.: *А будетъ невѣста пришла за него замуж, дѣвства своего не сохранила* (= не сохранивши), и онъ имъ, отцу и матерѣ, за то пеняетъ (Григорий Котошин «О России в царствование Алексея Михайловича», сер. XVII в.). Таким образом, причастное употребление *-л*-форм не было чуждо языку и в XVII в.

В данном контексте интересен материал Чудовской редакции Нового завета (ЧРНЗ) 1354 г. Как показала Т. В. Пентковская [2009: 207], «в части случаев *л*-форма без связки в ЧРНЗ появляется на месте перфектного причастия греческого текста и может рассматриваться как употребленная в собственно причастном значении». В ряде контекстов *-л*-форма в списках ЧРНЗ употребляется в соответствии с действительным причастием прошедшего времени как в древней, так и в афонской редакции, ср.: Лк. 1:19 Чуд. и *ре(ч) заха(р)а къ англоу. по чому разумѣю се. а(ѣ) во семь ста(р). а жена моя замѣрѣла во днѣхъ свои(х)* (26а); Зогр. *заматорѣвши* (с. 81); Баниц. *заматорѣвши* (97а) — *πρωβετηκῶτα* [Там же: 163].

На функциональную близость *-л*-формы без связки и действительного причастия прошедшего времени указывает и А. Вайан, сопоставляя следующие относительные конструкции: Зогр. Мф. 24:21 *вждетъ во тѣгда скръзь...ѣкаже не выла* — Лк. 19: 21 *въземлеш идеже не положъ и жьнеш и егоже не св(а)въ* [Вайан 1952: 280, 395].

На том, что *-л*-форма осознавалась носителями как причастная и соотносилась в их сознании с другими причастными формами (действительными причастиями настоящего и прошедшего времени), строится гипотеза М. Майера [Majer 2014] о происхождении беззлевого перфекта, представленного в новгородских памятниках (прежде всего, в берестяных грамотах). Исследователь обращает внимание на то, что беззлевая форма встречается

исключительно в м. р. ед. ч. В связи с этим Майер высказал предположение, что к появлению безэлевой формы перфекта привел структурный параллелизм причастных образований (см. табл. 1).

Таблица 1

Три типа причастных образований в древнерусском

sg. masc.	sg. fem.	pl. masc.
вѣа-л-е → вѣа-∅-∅	вѣа-л-а	вѣа-л-и
хота-∅-∅	хота-ч-и	хота-ч-е
дав-∅-∅	дав-ш-и	дав-ш-е

«In descriptive terms, the template required that the sg.masc end in a null morpheme and be one syllable shorter than the sg.fem and the plural forms, whereas the sg.fem and the plural forms should have a sequence of the structure -CV following the sg.masc form⁹» [Majer 2014: 183].

Наконец, о возможности семантической и синтаксической синонимии двух причастных образований свидетельствуют такие контексты, в которых *-л-*форма и «обычное» причастие выступают как однородные члены, ср. примеры, которые приводит М. Н. Шевелева [2001: 203–204]: ЖАЮ да и еше не **вззмоглъ естъ** проити ихъ на(с) дела...еше во седмыи вѣкъ мира сего и чтеныи лѣты не **кончавъса естъ** 112; характерное разночтение в ЖАЮ между списками Сол. № 216 и Тип. № 182: **Епифанъ ре(ч) горе мнѣ то г(с)не мои да тацѣм ли образомъ створивъса суть** дша члѣвчскы 88 — Тип. № 182 **створилы са суть** 39; «Притча о блудном сыне» **мрътвѣзъ бѣ** и **оживе. изгыблѣзъ бѣ** | **обрѣтеса** Зогр., Лк.15:24; ЖАЮ **накоже во зелѣе гнило. тако и тои естъ изгынилъ** и **немоцненъ** 3 об.

Два показательных примера встретилось в ИЛ:

- (1) ИЛ КЛ л. 170 об. Издаславъ же **ре(ч)** и ныи вы есмь створилъ. **уже есте на ма. пришли.** а како ми с вами бѣ дастъ. **башеть** во **пославъ** [Х., П. **послааъ**] и **подвелъ** Глѣба Дюргеви(ч) с Половци;
- (2) ИЛ ГЛ л. 274 иде на Мидогва. Миндзвгъ же **собралса** [Х., П. **сѣбрался**] **бѣ** и **оумысливъ** же **собѣ**. не вичиса с ними полкомъ. **нз** вниде во **гра(д)**. **именемъ** Воруута. и **выска** шоурина своего **ночь**. и **розгнаша** и **Роусь** и **Гатвазъ**.

В примере (1) формы *пославъ* и *подвелъ* выступают как однородные части сказуемого и, будучи соединенными с глаголом *быти* в прошедшем времени, имеют классическое значение плюсквамперфекта — результативности в прошедшем. В примере (2) мы видим практически то же самое. Он чуть менее однозначен, т. к. непосредственно после глагола-связки употреблена *-л-*форма, поэтому теоретически *-вш-*форма может быть интерпретирована как самостоятельное сказуемое. Однако разночтение, представленное в Х. и П., свидетельствует о том, что, вероятнее, два типа причастных образований употреблены как синонимичные.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что *-л-*формы и причастия на *-вш-/-вш-*, по всей видимости, могли употребляться как синонимичные друг другу. Было возможным как использование *-л-*форм в классической причастной функции, так и использование «обычных» причастий прошедшего времени вместо *-л-*форм в значении соответствующих сложных времен. Об этом говорит и наличие в летописях конструкций

⁹ «Шаблон требовал, чтобы форма м. р. ед. ч. оканчивалась нулевой морфемой и была бы на один слог короче, чем форма ед. ч. ж. р. и форм мн. ч., в то время как форма ед. ч. ж. р. и формы мн. ч. должны были иметь последовательность -ГС, которая добавлялась к форме м. р. ед. ч.», перевод мой. — М. Е.

типа *быти* + причастие на *-ъш/-въш-* (ср. НПЛ ст. л. 144 *наѣхаша пещеру непроходну, в ней же бяше множество Чюди вѣдѣше* — ‘обнаружили пещеру, в которую были зашедшими много людей’).

Таким образом, отдельные факты как древнерусского языка, переводческой стратегии, современного русского языка и его диалектов, так и других славянских языков подтверждают предположение о функциональной близости *-л-*формы и «обычного» причастия прошедшего времени на протяжении, по меньшей мере, всего древнерусского периода. Так, об этом свидетельствует большое количество *-л-*прилагательных, образование которых приходится на XVI–XVII вв. и было бы невозможным, если бы *-л-*форма, как принято считать, превратилась в финитную в XII–XIII вв. и утратила свои причастные свойства. Этим объясняются контексты из древнерусских памятников, где *-л-* и *-ъш/-въш-*формы употребляются как однородные при бытийном глаголе, возникновение контаминированных причастий типа *всталиш*, *обулиш*, а также особенности использования *-л-*форм при переводе ЧРНЗ.

3. *-л-*форма в функциях причастий на *-ъш/-въш-*

Летописный нарратив (ранний — в меньшей степени, поздний — в большей) изобилует *-л-*формами без связи, употребленными не в перфектном значении¹⁰. Как уже было сказано, такие формы традиционно интерпретируются как перфект, утративший в живом языке свое исконное значение и превратившийся в единственную форму прошедшего времени. Однако проведенный анализ показал, что значительную часть примеров с таким употреблением *-л-*форм можно классифицировать, разбив на несколько групп специализированных контекстов. Это свидетельствует о том, что подобное использование не может объясняться случайной и непредсказуемой заменой «книжных» аориста и имперфекта разговорной формой прошедшего времени.

Так, особый тип примеров составляют употребления бессвязочной *-л-*формы для обозначения результата, отнесенного к прошлому [Скачедубова 2018а]. Предметом данной статьи является другая группа специализированных контекстов, которую составляют случаи

¹⁰ Традиционно считалось, что первоначальное значение славянского перфекта «состояло в том, что он обозначал отнесенное к настоящему состояние, являющееся результатом завершенного в прошлом действия» [Кузнецов 1959: 202–203]. Позднейшие типологические исследования показали, что семантика перфекта не исчерпывается результиративным значением. Так, например, в классификации [Горбова 2016: 43–44], суммирующей материал [Dahl 1985; Comrie 1985], выделяется четыре значения перфекта: результиративное, экспериенциальное, инклюзивное и иммедиатное. В. А. Плуноян характеризует перфект «как “ослабленный результиратив”, описывающий не конкретное, лексикографически детерминированное состояние, возникшее в результате завершения действия, а любой (пусть даже косвенный) результат ситуации, релевантный в последующий момент (обычно в момент речи), — так сказать, любое “эхо” ранее имевшей место ситуации, если это “эхо” еще звучит в тот момент, когда говорящий описывает ситуацию» [Плуноян 2011: 389]. В последних работах при решении вопроса о семантике древнерусских перфектных форм «научная дискуссия все дальше отходит от классического понимания перфекта, которое признается не охватывающим все варианты бытования форм в текстах» [Шаяхметова, Жолобов 2017: 1170]. Несмотря на все сложности описания перфектного значения, в данном исследовании мы понимаем перфектное значение как «соотнесенность названного действия с планом настоящего», т. е. для анализа перфекта в нарративе, т. е. рассказе о прошлых событиях, такого понимания оказывается достаточно: если *-л-*форма никоим образом не может быть связана с настоящим, она рассматривается как не имеющая перфектного значения.

использования *-л*-формы в функции причастий на *-ъш/-въш*¹¹. В данном разделе будут рассмотрены основные типы такого употребления и приведены примеры¹².

3.1. *-л*-формы в контекстах, типичных для зависимых причастных предикаций

Часть случаев употребления *-л*-форм в нарративе без связки, не имеющих перфектного значения, составляют контексты, в которых, по данным А. А. Потебни [1888/1958: 211–214] и А. А. Пичхадзе [2011], обычно употребляются причастия. Как показал исследованный материал, в некоторых из них могла использоваться и *-л*-форма, что в совокупности с другими данными (см. ниже) говорит о возможной функциональной синонимии двух причастных образований. Рассмотрим ниже основные типы характерных для причастий зависимых предикаций.

Самыми характерными для причастных предикаций, по наблюдениям А. А. Пичхадзе, являются контексты с союзными (вопросительно)-относительными словами, которые указывают на «неопределенный, любой, какой угодно, случайно присутствующий субъект / объект, обстоятельство или свойство»¹³, ср. пример из Повести временных лет, общающий, что «славяне расселились по землям и прозвашася имены своими. **Гдѣ сѣдѣше на которомъ мѣстѣ** [ПСРЛ, I: 6] — т. е. получили названия в зависимости от того, где какому племени случилось осесть» [Пичхадзе 2011: 464]. Приведем некоторые из обнаруженных нами аналогичных примеров: СЛ. л. 108 об. и сѣдши(ѣ) имѣ на ѣдино(ѣ) мѣстѣ и оуладишася. **Кдѣ что свое познавшѣ** лице(ѣ) имати — ‘договорились, кто что признал своим,

¹¹ Возникает вопрос о правомерности сопоставления функций *-л*-форм и причастий на *-въш/-ъш* на основе их употребления в аналогичных контекстах, ведь для древнерусских памятников совершенно типично варьирование причастных форм также с аористными, а начиная с XV в. «в стилистическом варьировании с причастием кроме аориста (...) может участвовать и перфектная форма» [Колесов 1976: 91]. Несмотря на варьирование всех трех образований, сопоставление *-л*-форм в определенных контекстах именно с причастиями на *-въш/-ъш* кажется обоснованным в силу следующих причин.

Аорист в языке древнерусских памятников выступал «наиболее обычным временем для обозначения событий, имевших место в прошлом» [Кузнецов 1959: 191]. Формы аориста преобладают в летописном тексте и являются наиболее типичными для повествования (см., например, статистические данные, приводимые в [Попова 1999: 14]). Таким образом, употребление аориста в большинстве выделяемых контекстов было бы уместным. Однако, т. к. аорист является наиболее распространенной формой прошедшего времени, его употребление в обсуждаемых контекстах нельзя назвать специфическим для них. Кроме того, хотя использование аористной формы чаще всего в них теоретически возможно, оно не является наиболее частотным. Наиболее же типичным для ряда выделяемых контекстов оказывается употребление причастной формы. В отношении нее мы можем с уверенностью говорить о существовании специфических типов употребления, что не раз отмечалось исследователями [Потебня 1888/1958: 185–207; Růžička 1963; Пичхадзе 2011]. Для *-л*-форм в исследованных летописях также выделяется строго ограниченный ряд характерных контекстов. Таким образом, именно потому, что один и тот же тип употребления оказывается характерным, специфическим (а не просто теоретически возможным, как для аориста) и для *-л*-форм, и для причастий на *-въш/-ъш*, их сопоставление кажется обоснованным и перспективным.

¹² Каждая группа будет проиллюстрирована несколькими примерами. Формат данной работы не позволяет привести полную выборку контекстов по летописям. Все примеры, а также таблицы с их абсолютным числом и процентным соотношением с другими *-л*-формами можно найти в [Скачедубова 2019].

¹³ Менее частотные типы контекстов, характерные для причастных предикаций, в которых также используется и *-л*-форма, рассматриваются в [Скачедубова 2019].

иметь наличностью»; Пск. I л. 23 А инии Нѣмцы, дружина их, стояше за Великою рѣкою; и что гдѣ полонивъше или мужьска полу или женьска или девицу или отрока или скотъ, провадяху за Великую рѣку — ‘немцы увели всех / каждого / любого, кого взяли в плен: будь то мужчина, женщина, девушка, юноша или скот’.

В проанализированных нами летописях были обнаружены аналогичные контексты, в которых употреблена -л-форма. Рассмотрим некоторые примеры:

- (3) НПЛ мл. л. 207 об. а хотя кто что вынеслъ или на поле, или на огороды, или въ греблю...то все пламенемъ взялось — ‘кто что ни вынес или в поле, или в огороды, или в ров, все сгорело’.

Разница между этим контекстом и рассмотренными выше контекстами с причастиями заключается в том, что в данном случае субъекты главной и зависимой предикаций различаются, в то время как в примерах с причастными предикациями они совпадают. Совпадение субъектов, однако, не было обязательным условием появления причастия в обсуждаемом типе контекстов. Так, Потеня [1888/1958: 212] приводит примеры аналогичных конструкций с несовпадающими субъектами из Вопросания Кирика: л. 19а¹⁴ а ниже рѣзати в н(д)лю что хотаче. нѣтоу бѣды ни грѣха — ‘нет в том ни беды, ни греха, чтобы в воскресенье резать, что хочешь / что ни захочешь’ (в ответ на вопрос, можно ли в воскресенье резать скот или птицу); л. 23а а кр(с)тити на блюду. развѣ сочива вса. горо(х). бобъ. сочевица. ривифь...а ивоць которы имѣюще — ‘а [нужно] крестить на блюде все части сочива: горох, бобы, чечевицу, турецкий горошек...и любой / всякий овощ, какой там ни есть’; л. 34а А портъ дѣла в чемъ си хотаче ходити — ‘а что касается одежды, то [можно] ходить, в чем ни захочешь’. Хотя в приведенных контекстах субъекты главной и подчиненной предикаций и различаются, причастие после союзного слова также используется для выражения значения произвольного выбора. По всей видимости, в первую очередь именно эта семантика и наличие соответствующих относительных слов определяло употребление в зависимой предикации причастия, а не личной формы глагола. При этом, как показывает материал, не имело значения, совпадают или различаются субъекты главной и зависимой предикаций.

- (4) НПЛ ст. л. 74 об. а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и понимаша вещисла... аще кто потан похватилъ, а того единъ богъ вѣдаетъ, и от того мнози разбогатѣша — ‘и села их распродали и слуг, и многие сокровища их отыскали и отобрали (...). Если кто-то / кто [что] ни взял, о том никто не знает, и таким образом многие разбогатели’;
- (5) Пск. I л. 85 об. ...се вамъ вода и земля владычня; а что которое хлѣвъ имали с тое земли владычни, ино то вамъ того назадъ не отдавати — псковичи, узнав, что новгородцы начали сговариваться против них с немцами, решили заключить мир с Новгородом, пожертвовав завоеванными им территориями, говоря: «Все, что новгородцы ни завоевали, ни получили с владычных земель, они могут не возвращать»;
- (6) Пск. II л. 189 И толми высть тамо дорогъ глѣвъ, яко на единомъ ковризь дати полтына, али каково портице, а ржи наша четверетка, чего кто запросил, а инии съ оусердиемъ даваху, а еже бы гдѣ збница купити ржи или овса, таковых мало обрѣтаху — ‘хлеб был очень дорог, и за него готовы были платить любую сумму, кто сколько за него ни просил’;
- (7) Ак. л. 244 об. въ же Вадиско лицемъ красенъ вчима свѣтелъ. и грозенъ взоро(м). паче мѣры храворъ...а кто емѣ слѣжи(л) то(т) не можаше е(т) забытьи и до смѣрти — ‘каждый / любой / кто бы ему (ни) служил, не мог забыть его до смерти’.

¹⁴ Основная редакция по списку ГИМ. Увар. № 791, XV в. Текст воспроизводится по изданию [Мильков, Симонов 2011].

Тот факт, что в рассмотренных синтаксических конструкциях употребляются в основном либо *-л*-формы, либо причастия на *-ъш/-въш*¹⁵, а также наличие данной группы во всех исследованных летописях (за исключением КЛ), свидетельствует, по-видимому, о возможности причастного использования *-л*-формы.

Ниже приведена табл. 2, в которой представлено количественное соотношение обсуждаемых контекстов в проанализированных летописях.

Таблица 2

Количество употреблений *-л*-формы без связки в контекстах причастных предикаций

Летопись	Число примеров	Процент от общего числа всех употреблений <i>-л</i> -формы без связки ¹⁶
ИЛ ПВЛ	1	50 %
ИЛ КЛ	0	0 %
ИЛ ГЛ	1	50 %
ИЛ ВЛ	1	33 %
НПЛ ст.	7	70 %
НПЛ мл.	6	4 %
ЛЛ ПВЛ	1	10 %
СЛ	3	8 %
Ак.	2	7 %
Пск. I	5	5 %
Пск. II	3	4 %

3.2. *-л*-форма + (*и*) аорист / имперфект

Отдельную группу составляют контексты, в которых одиночная *-л*-форма употребляется в нарративной цепочке наряду с другими аористами и имперфектами, при этом она может присоединяться союзным или бессоюзным способом. Место *-л*-формы в предложении, ее «одиночность» (т. е. отсутствие рядом других *-л*-форм), характер разночтений наводят на мысль о том, что в найденных контекстах она используется в качестве «обычного» причастия прошедшего времени на *-ъш/-въш* в конструкциях типа «вставь (*и*) рече», чрезвычайно частотных в древнерусских памятниках и подробно разобранных А. А. Потебней [1888/1958: 188–197] (см. 1.1).

¹⁵ Другие формы в подобных контекстах употребляются крайне редко. Из обнаруженных нами случаев — это контекст из ЛЛ ПВЛ. и Ак., где используется настоящее время: ЛЛ ПВЛ л. 164 об. (и аналогичный пример из Ак. л. 246): *Тогда же въ пополохъ золъ по всей земли. и сами не въдаху. и гдѣ хто въжить.*

¹⁶ Т. е. от общего числа *-л*-форм в функции причастий и *-л*-форм в аористном употреблении. Здесь и далее без учета контекстов, в которых *-л*-формы без связки используются для обозначения результата в прошлом (подробнее см. [Скачедубова 2018а]).

Обратимся к двум аналогичным контекстам из ИЛ и ЛЛ ПВЛ:

- (8) ИЛ ПВЛ л. 66 об. сице **бы(с)** волхвѣ **встаалъ** при Глѣбѣ в Новѣгородѣ. глшеть бо людемъ. и твораешеть бо (людемъ) **бѣзмъ** — этот контекст повторяется в Лавр. ПВЛ:
- (9) ЛЛ ПВЛ л. 60 об. сице **бѣ** волхвѣ **встаалъ** при Глѣбѣ Новѣгородѣ. глтъ бо людемъ твораеса акы **бѣ** — разница заключается в том, что в первом случае глагол *быти* представлен в форме *высть*, а во втором — в форме *бѣ*. Если пример (9) не сопоставлять с примером (8), то *бѣ* *встаалъ* можно было бы интерпретировать как форму плюсквамперфекта. Однако наличие *высть* в (8) свидетельствует о том, что глагол *быти* здесь использован в функции введения новой ситуации со значением ‘случилось [так]’, при этом чаще всего он выступает именно в форме *высть* (см. [Шевелева 2007: 222]). Такое употребление частотно в древнерусских памятниках. В связи с этим *сице* *высть* следует понимать, скорее всего, как ‘было / случилось так, что’. Таким образом, форму *встаалъ* нужно анализировать отдельно от глагола *быти*. Вряд ли ее стоит интерпретировать как употребленную в аористной функции, т. к. отсутствует союз *и*, который должен был бы соединять два самостоятельных сказуемых (*появился и говорил*). По-видимому, *-л*-форму нужно рассматривать как причастие, употребленное в классической причастной функции для обозначения дополнительного действия. В таком случае предложение следует понимать так: ‘Случилось так: волхв, появившись / появившийся при Глебе в Новгороде, начал проповедовать людям и выдавать себя за бога’.
- (10) ИЛ КЛ л. 229 об. — 230¹⁷ и приде Володимирѣ ко королеви. король же **поималъ** [Х. П. *пое(м)*] Володимера и со всеми полкы **поиде** к Галичу — ‘и пришел Владимир к королю. Король же взял / взяв Владимира, и пошел со всеми полками к Галичу’. Данный пример разбирается в работе [Шевелева 2009: 155], где *-л*-форма трактуется как выступающая в аористном значении. Однако, как отмечает сама М. Н. Шевелева, примеров употребления *-л*-формы в аористном значении (которое получает со временем широкое распространение и справедливо объясняется утратой простых претеритов в древнерусском языке) в КЛ практически нет (см. ниже). В то же время соединение причастия и личной формы глагола с помощью союза *и* абсолютно нормально для древнерусского синтаксиса. Показательно, что в Хлебниковском и Погодинском списках мы видим «обычное» причастие прошедшего времени — *пое(м)*. Если рассматривать форму *поималъ* в качестве причастия, а не аориста, то не приходится предполагать разницы в синтаксической структуре в списках: во всех случаях перед нами конструкция типа «*взяв Владимира, пошел с полками к Галичу*»; разница лишь в типе причастного образования.

В этом контексте интересен характер некоторых разночтений, ср.:

- (11) ИЛ КЛ л. 241 И тако Романъ вниде в землю ихъ. вни же не могуучи стати противоу силѣ его. и бѣжаша во свои тверди. а Романъ пожегъ волость ихъ и **отомъстивса** [Х. П. *отмъстнися*] **возвратиса** во своа си — ‘Роман, сжегши их волость и отомстив, возвратился домой’;
- (12) ИЛ ГЛ л. 267 об. Данилъ же **затворивъ** [Х. *затворилъ*] Холмъ. **еха** ко братоу си Василкови — ‘Даниил, запретив Холм, поехал к своему брату Васильку’;
- (13) ИЛ ГЛ л. 267 об. король же Оугорьскыи. и снѣ его Ростиславъ. ч(с)ти емоу не створиета. вн же **розгнѣвалса** [Х. *розгнѣвался*] снѣ. **возвратиса** Черниговоу — ‘Венгерский же король и его сын Ростислав не оказали ему чести. Он, разгневавшись на сына, возвратился в Чернигов’.

¹⁷ Этот пример анализируется также в [Скачедубова 2017: 118].

Во всех трех случаях на месте причастий Ипатьевского списка в Хлебниковском списке читается *-л*-форма. Аорист в данных случаях был бы неуместен, т. к. отсутствует союз *и*, который соединял бы две финитных формы (*-л*-форму с последующим аористом). Поэтому вполне возможно, что и в этих случаях в Хлебниковском списке мы имеем дело с употреблением *-л*-формы в качестве «обычного» причастия.

Рассмотрим еще несколько характерных примеров:

- (14) СЛ л. 166 об. В лѣтѣ(т) ѿѣ. ѿ. ѿ. д. Пѣхѣца князи на Городецъ. да в Новѣгородѣ. кня(ѣ) же Борисъ пѣхѣ в Татары. а Александръ кня(ѣ) **послалъ** дары. Борисъ же бывъ [у] Оулавчиа. дары давъ. и приѣхѣ в свою вѣчину с ч(с)тью — ‘Поехали князя на Городец и в Новгород. Князь же Борис поехал к татарам, а князь Александр послал дары. Борис, будучи у Улавчиа, подарив дары, приехал с честью в свою отчину’. Э. Кленин, доказывающая, что *-л*-форма в данном случае не имеет аористного значения, пишет, что «the main topic of the context of *послалъ* is Boris’s activity; since Aleksandr’s contribution is less important than Boris’s journey, the statement about Aleksander is subject to backgrounding¹⁸» [Klenin 1993: 338]. И действительно, действие *послалъ* отличается по своему характеру от действия *пѣхѣ*, выраженного аористом. Если предположить, что *-л*-форма выступает здесь в аористной функции, то мы имеем следующее: «князь Борис поехал в Татары, а Александр послал дары». В таком случае получается, что Александр послал дары независимо от Бориса. Если же учитывать следующее предложение, то оказывается, что Борис передал дары, посланные с ним Александром. Если в данном примере *-л*-форму интерпретировать как причастие в именительном самостоятельном, то логика повествования становится яснее: ‘князь Борис поехал в Татары, взяв дары от Александра’ (запрет на употребление деепричастия с подлежащим, отличным от подлежащего сказуемого, не позволяет точнее перевести на современный русский данный пример).
- (15) Ак. л. 226 Ярослав же также приѣхѣ въдинъ в Переславль. на ѣ. кони. а ѿ. **вдѣшилъ** и затвориса — ‘Ярослав, прискакав один в Переславль на 5 лошадях, загнав 4, затворился’. Если *-л*-форму интерпретировать как употребленную в аористном значении, то предложение получается менее логичным: ‘Ярослав, прибежав один в Переславль, загнал 4-х коней и затворился’. Очевидно, что *вдѣшилъ* является дополнительным действием, уточняющим действие *приѣхѣ*.

Таким образом, в данном разделе были разобраны примеры контекстов, в которых *-л*-форма обозначает дополнительное, второстепенное сказуемое в типичных для причастий конструкциях типа «*вставь (и) рече*». Тот факт, что в проанализированных примерах в большинстве случаев отсутствуют другие *-л*-формы и присутствуют формы простых претеритов, а также что *-л*-форма обозначает действие менее важное, чем действие, выраженное личной формой, свидетельствует о том, что она употреблена не случайно (в качестве единственной формы прошедшего времени под влиянием живого языка), а с целью обозначить действие, отличное от действий, выраженных соседними глагольными формами. Об этом говорит и отсутствие соединительного союза между *-л*-формой и личной формой глагола в ряде случаев, см. (8)–(9), (11)–(13). Все это наводит на мысль о том, что в рассмотренных контекстах *-л*-форма употребляется как причастие на *-ви/-вши-*, выступая в качестве второстепенного сказуемого.

Ниже приведена табл. 3, в которой представлено количественное соотношение обсуждаемых контекстов в проанализированных летописях.

¹⁸ «Главное сообщение в данном контексте — действия Бориса; т. к. пожертвования Александра менее важны, чем путешествие Бориса, то сообщение об Александре является дополняющим».

Таблица 3

**Количество употреблений -л-формы без связки в контекстах
типа «-л-форма + (и) аорист / имперфект»**

Летопись	Число примеров	Процент от общего числа всех употреблений -л-формы без связки
ИЛ ПВЛ	1	50 %
ИЛ КЛ	5	45 %
ИЛ ГЛ	0	0 %
ИЛ ВЛ	0	0 %
НПЛ ст.	2	20 %
НПЛ мл.	3	2 %
ЛЛ ПВЛ	3	30 %
СЛ	2	4 %
Ак.	3	10 %
Пск. I	0	0 %
Пск. II	0	0 %

3.3. -л-форма для обозначения значения одновременности / продолжительности

Еще один характерный тип контекстов, в которых употребляется -л-форма — это контексты, в которых обозначается продолжительное действие, противопоставленное по характеру протекания действиям, выраженным формами аориста. Больше всего подобных контекстов встретилось в Пск. I и II. Процент употребления в них -л-форм от общего числа -л-форм без связки составляет 29 % и 16 % соответственно.

Наибольшую подгруппу составляют примеры, в которых точно указывается, как долго длилось действие, ср.:

- (16) Ак. л. 255 об. того же лѣта **бы(ѣ)** знаменіе въ сѣнци. мѣста черны, акы гвозди. а мѣгла **стояла** по радѣ съ два мѣсаца — ‘Был знак на солнце ⟨...⟩, мгла стояла 2 месяца подряд’;
- (17) Пск. I л. 54 об. А князь великий Василен Василович **былъ** в Новѣгородѣ три недѣли и два дни, и **поѣха** из Новгорода на Тѣерь, мѣсяца апрѣля въ 24 день — ‘Великий князь Василий Васильевич был в Новгороде 3 недели и 3 дня, и уехал из Новгорода в Тверь 24-го апреля’;
- (18) Пск. II л. 19 об. А в тот же день **приѣха** из Литвы во Псков зять его князь Володимиръ Данильевич, а **был** в Литвѣ 10 лѣт; и псковичи **прияша** его честно — ‘В тот же день приехал из Литвы в Псков его зять, князь Владимир Данилович, а был он в Литве 10 лет. И псковичи приняли его с честью’.

Отметим, что -л-форма может обозначать фоновое действие, охватывающее промежуток времени, во время которого происходит ряд других менее продолжительных событий. В большинстве случаев употреблены слова / словосочетания, указывающие

на одновременность действий: тогда, в то же время, той же зимы / осени и т. п. или временные союзы коли, егда:

- (19) ИЛ КЛ л. 222 об. наворопници же перешедше Хоролъ. **взидоша** на шолома. глладяюще. кдѣ оузрѣтъ ѿ. Кончакъ же **стоялъ** оу лоузѣ. егоже ѿдоуце по шоломени **уминоуша**. иньгъ же вагаты оузрѣвши. **оудариша** на нихъ — ‘Передовой отряд, перейдя Хорол, поднялся на холм, чтобы посмотреть, где они. Кончак же (все это время) находился на лугу. Ехавшие по холму разминулись с ним, другой же отряд, увидев, ударил по ним’;
- (20) НПЛ мл. л. 211 Того же лѣта Лука Валфромъевъ...**побѣха** за Волокъ на Двину, и **постави** городокъ Орлицъ; и скопивиши емчанъ, и **взя** землю Заволоцкую по Двинѣ, всеѣ погосты на цитѣ. В то же время сынъ его Онцифиръ **отходилъ** на Волгу, Лука же въ двусту **выѣха** воевать, и **убиша** его заволочанѣ — ‘В тот же год Лука Валфромеев <...> поехал за Волок на Двину, и поставил город Орлиц. И собрав емчан, захватил Заволоцкую землю и все деревни по Двине. Сын же его Онцифир в то время уходил на Волгу. Лука же выехал воевать с двумястами воинами, и его убили заволочане’. Действия, обозначенные формами аориста, длились меньше действия **отходилъ** и происходили во время него;
- (21) Пск. II л. 198 об. Тоя же зимы князь великии Василии Васильевичъ **присла** своего посла, веля псковичемъ **развергнути** миръ съ новгородци. А самъ в то время **стоял** съ всеми силами в Торъжкоу...и **повоеваша** Новгородскоую волость от литовского роубежа и до немецкого... А князь великии **стоял** под Деменомъ — ‘Той же зимой великий князь Василий Васильевич прислал своего посла, веля псковичам расторгнуть мир с новгородцами. А сам в то время стоял со своими силами в Торжке <...> И повоевали Новгородскую волость от литовской границы до немецкой <...> А князь великий стоял под Деменом’. В обоих случаях форма **стоял** обозначает действие, на фоне которого разворачиваются другие действия, выраженные формами аориста.

Ниже приведена сводная табл. 4, в которой показано количество употреблений *-л*-формы в обуславливаемых контекстах в исследованных летописях.

Таблица 4

**Количество употреблений *-л*-формы
для обозначения продолжительного действия**

Летопись	Число примеров	Процент от общего числа всех употреблений <i>-л</i> -формы без связи
ИЛ ПВЛ	0	0 %
ИЛ КЛ	3	27 %
ИЛ ГЛ	0	0 %
ИЛ ВЛ	0	0 %
НПЛ ст.	0	0 %
НПЛ мл.	26	19 %
ЛЛ ПВЛ	0	0 %
СЛ	1	3 %
Ак.	3	10 %
Пск. I	30	31 %
Пск. II	14	18 %

Большое количество примеров *-л*-форм в подобных контекстах в псковских летописях, а также их очевидная противопоставленность по характеру действия соседним формам аориста, указывают на то, что *-л*-форма в рассматриваемых случаях употребляется не случайно, что это не хаотичная взаимозаменяемость форм простых претеритов и бывшей формы перфекта, а закономерное и последовательное ее использование в определенном типе контекстов. Очевидно, такое употребление связано с тем, что *-л*-форма обладала свойствами, которые позволяли ей выражать либо фоновое действие, во время которого разворачивается ряд других событий, либо действие, находящееся в нарративной цепи, однако более продолжительное, чем действия, выражаемые аористом.

Значения продолжительности, фоновости и одновременности в «исходной» системе могли выражаться двумя способами: формами имперфекта или причастия. «Явления, обозначаемые формой имперфекта, нарушают мерную смену событий и являются или действиями соотносительными, побочными или обобщающими, выступая во всех случаях вне очереди, последовательности, при этом действие имперфекта выходит из границ времени, определяемого в предложении соотносительным аористом» [Попова 1999: 26]. В свою очередь, причастие, как и имперфект, могло обозначать «действие добавочное, комментирующее по отношению к основному, выраженному аористом (или презенсом)», ср. замены причастие / имперфект, а также имперфект / причастие: НПЛ м. л. 187 об. и съде засадоу в Торжку, не дадуще [АТ дадыше] вни в Тордокъ намѣстникомъ Дмитриевым, а обиле все попроводи в Новъгород в лодьяхъ, НПЛ ст. л. 160 понеже не въдяху [КТ въдуше] князя Юрья, кдѣ естъ, и придоша паки в Новъгород [Попова 1999: 137]. Однако ошибки в образовании форм как имперфекта, так и аориста, употребление форм имперфекта в аористных контекстах и наоборот (см., например, [Историческая грамматика 1982: 90–91; Семянко 1963: 11; Попова 1999: 132–134]), свидетельствуют о том, что к XIII–XIV вв. эти времена перестают быть противопоставленными и, следовательно, служат для выражения специфических значений, которые они выражали раньше. То же явление мы наблюдаем, естественно, и в более поздних Псковских летописях, например:

- (22) Пск. I л. 37 об. Того же лѣта на осень высть моръ великъ зъло во градѣ Псковѣ и по пригородомъ и по всей области: **мряху** же мужи и жены и малыя дѣти ‘В тот же год был страшный мор в Пскове и во всей области: умирали и мужчины, и женщины, и малые дети’ — Пск. I л. 45 об. Того же лѣта высть моръ во Псковѣ, **мроща** люди во градѣ и по всей области Псковской железу ‘В тот же год был мор в Пскове, умирали люди в городе и во всей Псковской области от чумы’ — «правильной» в данном случае является форма имперфекта, т. к. обозначается действие, многократно повторяющееся в прошлом.

В контексте, сообщающем, сколько времени кто-либо провел в определенном месте, также встречаются формы и имперфекта, и аориста, ср.:

- (23) Пск. I л. 46 об. Онъ же навѣрными опоромъ поиде ко граду, многих главъ своєю рати оставъ, и **стояше** под Опочкою два дни и двѣ ноци ‘стояли под Опочкой два дня и две ночи’ — Пск. I л. 43 и пособи богъ Витовту и королю, и **стояша** оу Марына города все лѣто — ‘стояли у Марына города все лето’.

Приведем пример неправильного употребления имперфекта:

- (24) Пск. I л. 31 об. Того же лѣта приѣха посолъ великъ немецкий в Новъгород миру просить с Новымъгородомъ, и **взаху** миръ новгородцы с Нѣмцы, а опрочѣ пскович; **взаху** псковичи миръ с Нѣмцы осовѣ — в данном случае нет причин, по которым в рассматриваемом контексте был бы уместен имперфект: ‘новгородцы заключили мир с немцами без псковичей; псковичи заключили мир с немцами сами по себе’ — формой имперфекта обозначается однократное действие, не маркированное по признаку продолжительности.

Таким образом, очевидно, что аорист и имперфект больше не могли служить для различения разных типов действий и их формы не передавали той специфики, которую они выражали в «исходной» системе. По всей видимости, именно это является причиной того, что процент таких контекстов больше всего именно в псковских летописях: на момент их компилирования / переписывания аорист и имперфект уже не могли служить для различения характеров действий. Тем не менее, как показывает наш материал, в ряде случаев возникала необходимость противопоставить характер действия предыдущим. Во всех приведенных нами примерах *-л-*форма служит для обозначения действия, характер которого отличен от характера действий, выражаемых формами аориста. В аналогичных контекстах могло использоваться и причастие, ср.:

- (25) НПЛ мл. л. 243 об. Того же лѣта псковници взяша миръ с Литвою и с Нѣмци, а **воевавъся** с Нѣмць три лѣта — ‘В тот же год псковичи заключили мир с Литвой и немцами, а воевали с немцами 3 года’;
- (26) СЛ л. 132 и ту абые впровергоша оучаны. и тако истопоша боле тысячи ихъ. Бѣжимъ гнѣвомъ гоними и стѣю Бѣю. и Всеволода княза мѣтвою. князь же Всеволодъ **стоявъ** вколо города **ѿ. дни** — ‘И вскоре перевернулись лодки, и утонуло их более тысячи, гонимых гневом Божьим и Святою Богородицей и молитвой князя Всеволода. Князь же Всеволод стоял около города 10 дней’;
- (27) Пск. I л. 66 об. Того же лѣта приѣхѡ во Псковъ митрополитъ царегороцкѣи Игнатѣи по велице дни на шестои недѣле в субботу, месяца юния въ I день...и **бывъ** во Псковѣ **четыре недѣли**, и поѣхѡ изо Пскова в Великий Новгородъ одаренъ — ‘В тот же год приехал в Псков цареградский митрополит Игнат (...) И был в Пскове 4 недели и, одаренный, поехал из Пскова в Великий Новгород’.

Употребление причастия в подобных случаях закономерно и объяснимо. Оно, очевидно, объясняется не традицией, а живыми для пишущего свойствами причастия, которое, в отличие от имперфекта, еще сохраняло свое исконное значение и могло служить для обозначения продолжительного / фонового действия. Таким образом, мотивированным в рассматриваемых контекстах мы считаем использование причастной формы, но не формы имперфекта или аориста. Следовательно, нам необходимо ответить на вопрос: что было особенного в *-л-*форме, что заставляло пишущего употребить именно ее в рассматриваемых контекстах? Какие из ее свойств могли актуализироваться, противопоставлять ее формам аориста и делать ее специфической формой для обозначения типа действий, для которых могло использоваться и причастие? Вполне возможно, что дело, как и в предыдущих типах специализированных контекстов, в ее причастном характере. Если бы во всех наших примерах была бы не *-л-*форма, а «обычное» причастие прошедшего времени, перед нами были бы контексты с абсолютно нормальным древнерусским синтаксисом.

Учитывая предыдущие разделы, в которых была рассмотрена возможность *-л-*формы выступать в качестве «обычного» причастия прошедшего времени, а также типичность проанализированных в данной главе контекстов для причастий, представляется, что и здесь мы имеем дело с актуализацией *-л-*формой причастных свойств.

В разделе 3 были рассмотрены типы контекстов, в которых *-л-*форма употребляется в функциях причастия на *-ши-*/*-вши-*. Ее последовательное использование в подобных случаях, а также значительная доля таких случаев от всех примеров употребления *-л-*формы без связки (см. табл. 5 на с. 95) подтверждают, что подобное употребление не случайный, вызванный случайной заменой «книжного» аориста разговорной формой прошедшего времени, а закономерный языковой факт, причиной которого является возможность *-л-*формы актуализировать причастные свойства.

Как видно из табл. 5, в древних текстах (ИЛ ПВЛ, ИЛ КЛ, НПЛ ст.) *-л-*формы в аористном значении вообще или практически не встречаются. В позднейших летописях

Таблица 5

Количество употреблений *-л*-формы без связки в функции причастий на *-ъи*-/*-въи*-

Летопись	Число примеров	Процент от общего числа всех употреблений <i>-л</i> -формы без связки
ИЛ ПВЛ	2	100 %
ИЛ КЛ	8	72 %
ИЛ ГЛ	1	50 %
ИЛ ВЛ	1	33 %
НПЛ ст.	9	90 %
НПЛ мл.	35	25 %
ЛЛ ПВЛ	4	40 %
СЛ	6	15 %
Ак.	8	27 %
Пск. I	35	36 %
Пск. II	17	22 %

процент *-л*-форм, употребленных в качестве нейтральной формы прошедшего времени, возрастает, что согласуется с общими представлениями об истории эволюции *-л*-формы.

Выводы

В проанализированных летописях обнаруживается ряд контекстов, в которых *-л*-форма используется в функциях, типичных для действительных причастий прошедшего времени на *-ъи*-/*-въи*-. Она может обозначать дополнительное действие, фоновое действие, состояние, начавшееся до основного момента повествования, употребляться в контекстах, типичных для причастных предикаций и др. Иными словами, *-л*-форма используется для маркирования действия, характер которого отличается от действий основной линии повествования, выраженных, как правило, формами аориста. Из всего этого следует, что *-л*-форма могла употребляться не только в составе сложных времен, но и в качестве «обычного» причастия прошедшего времени. Именно этим, а не превращением в единственную форму прошедшего времени, объясняются примеры ее употребления без связки в не перфектных контекстах в нарративе в древнейших летописях. Такие выводы подтверждаются отдельными фактами древнерусского языка, переводческой стратегией, данными современных русских диалектов, а также материалом других славянских языков.

Последовательное использование *-л*-форм в псковских летописях для обозначения фонового / продолжительного действия, противопоставленного по своему характеру формам аориста, свидетельствует о том, что ее причастность была ощутима еще в XV–XVI, а может быть, и в XVII в.

Данное утверждение не противоречит фактам, свидетельствующим, казалось бы, о превращении *-л*-формы в единственную форму прошедшего времени уже в XII–XIII вв., прежде всего, в новгородской зоне [Шевелева 2009: 172]. Во-первых, морфологические

изменения (как любые языковые изменения) происходят не одновременно. Так, например, больше трех веков (кон. XII–XV в.) занял процесс утраты двойственного числа (см. [Жолобов, Крысько 2001]). Перестройка же всей временной системы, должно быть, происходила еще дольше. Как пишет М. Н. Шевелева, «столь значительная перестройка глагольной системы не могла не потребовать определенного времени — должен был быть какой-то переходный период» [Шевелева 2001: 200]. Для переходного периода варьирование формой своих функций, употребление то в одном, то в другом значении абсолютно закономерно. Представляется естественным, что в определенный момент форма, постепенно меняющая свой морфологический характер, может реализовывать себя в разных функциях и в зависимости от контекста актуализировать то одни, то другие свойства.

Во-вторых, книжный язык эволюционирует медленнее, чем живой, «между началом процесса в живом языке и его отражением в письменных памятниках и в особенности памятниках книжного письма проходит обычно довольно много времени» [Живов 2017: 611]. Таким образом, по летописным памятникам (памятникам гибридного характера [Там же: 250]) мы не в праве выстраивать абсолютную хронологию. Первое зафиксированное изменение в летописи не означает, что это изменение не началось раньше в живом языке. Следовательно, «противоречие» между временными рамками, представленными в летописях и, например, в берестяных грамотах, оказывается мнимым.

Причастное употребление *-л*-формы в поздних летописях не означает, что она не была уже единственной формой прошедшего времени. Это говорит о том, что ее причастность не была полностью утрачена и могла актуализироваться в определенных ситуациях. Так, авторы псковских летописей, старающиеся использовать для повествования о прошлых событиях аорист, нуждались в форме, которая бы обозначала иной характер действия. Учитывая, что имперфект не был живой формой, а причастие, скорее всего, было занято северо-западным перфектом и воспринималось как разговорная форма [Скачедубова 2018б], наиболее подходящей могла казаться *-л*-форма, сохраняющая еще в себе потенциальную причастность. Такое использование имеющихся у носителя языковых средств для передачи актуальных для него смыслов, которые не могли быть уже выражены утрачившимися временными формами, кажется очень вероятным, учитывая, что «абсолютизация независимости грамматики книжного языка от живого вряд ли справедлива», «что грамматическую семантику, системные отношения нельзя заучить и пользоваться этими заученными знаниями при порождении собственного текста» [Шевелева 2001: 199] и что для возникновения той или иной письменной установки «нужно, чтобы соответствующая семантическая категория существовала в том или в ином виде в языковом опыте носителей» [Живов 2004: 95].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Ак. — Суздальская летопись по Академическому списку
ВЛ — Вольнская летопись
ГЛ — Галицкая летопись
ИЛ — летопись по Ипатьевскому списку
КЛ — Киевская летопись
ЛЛ — летопись по Лаврентьевскому списку
НПЛ мл. — Новгородская первая летопись младшего извода по Комиссионному списку
НПЛ ст. — Новгородская первая летопись старшего извода по Синодальному списку
П. — Погодинский список Ипатьевской летописи
ПВЛ — Повесть временных лет
Пск. I — Псковская первая летопись по Тихановскому списку
Пск. II — Псковская вторая летопись по Синодальному списку
СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку
Х. — Хлебниковский список Ипатьевской летописи

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- НПЛ ст. и мл. — *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- ПСРЛ, 1 — *Полное собрание русских летописей*. Т. 1: *Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку*. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- ПСРЛ, 2 — *Полное собрание русских летописей*. Т. 2: *Ипатьевская летопись*. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
- ПСРЛ, 5, Вып. 1 — *Полное собрание русских летописей*. Т. 5. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- ПСРЛ, 5, Вып. 2 — *Полное собрание русских летописей*. Т. 5. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000.
- СЛРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–30, Справочный выпуск. М.: Наука, 1975–2004.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Белова 1999 — Белова Н. А. Система форм глаголов прошедшего времени в новгородской письменности XIII–XIV веков. Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 1999. [Belova N. A. *Sistema form glagolov proshedshego vremeni v novgorodskoi pis'mennosti XIII–XIV vekov* [A system of past tense verb forms in Novgorod manuscripts of the 13th–14th centuries]. Ph.D. diss. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Lobachevsky State Univ., 1999.]
- Борковский, Кузнецов 1963/2009 — Борковский В. И., Кузнецов П. С. *Историческая грамматика русского языка*. М.: Либроком, 2009. [Borkovskii V. I., Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of Russian]. Moscow: Librokom, 2009.]
- Вайан 1952 — Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. [Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [A manual on Old Slavonic]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1952.]
- Гиппиус 1997 — Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. *Новгородский исторический сборник*. Вып. 6(16). Янин В. Л. (отв. ред.). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997, 3–72. [Gippius A. A. On the history of compilation of the Novgorod First Chronicle. *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. No. 6(16) Yanin V. L. (ed.). St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1997, 3–72.]
- Горбова 2016 — Горбова Е. В. Результативность, экспериенциальность, инклюзивность, иммедиатность: чем определяется значение перфекта? *Acta Linguistica Petropolitana*, 2016, т. XII, ч. 2. (= *Исследования по теории грамматики*. Вып. 7: *Типология перфекта*. Майсак Т. А., Плунгян В. А., Семёнова Кс. П. (ред.): 39–66. [Gorbova E. V. Resultative, experiential, inclusive, immediate: What determines the meaning of perfect? *Acta Linguistica Petropolitana*, 2016, vol. XII, part 2: (= *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 7: *Tipologiya perfekta*. Maisak T. A., Plungian V. A., Semionova X. P. (eds.): 39–66.]
- Горшкова, Хабургаев 1981 — Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. *Историческая грамматика русского языка*. М.: Высшая школа, 1981. [Gorshkova K. V., Khaburgaev G. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of Russian]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981.]
- Дмитриева 1963 — Дмитриева Л. К. *Действительные причастия, деепричастия и отпричастные формы (по материалам Псковских летописей и современных псковских говоров)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1963. [Dmitrieva L. K. *Deistvitel'nye prichastiya, deeprichastiya i otprichastnye formy (po materialam Pskovskikh letopisei i sovremennykh pskovskikh govorov)* [Active participles, converbs and derivatives of participles in Pskov chronicles and modern Pskov dialects]. Ph.D. diss. abstract. Leningrad: Leningrad State Univ., 1963.]
- Живов 2004 — Живов В. М. *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zhivov V. M. *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov* [Essays on historical morphology of the 17th–18th centuries Russian]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Живов 2017 — Живов В. М. *История языка русской письменности*: В 2 т. Т. I. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. [Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti* [History of the language of Russian literary texts]: In 2 vols. Vol. I. Moscow: Dmitry Pozharsky Univ., 2017.]

- Жолобов, Крысько 2001 — Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. *Историческая грамматика древнерусского языка. Двойственное число*. М.: Азбуковник, 2001. [Zholobov O. F., Krysko V. B. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. Dvoistvennoe chislo* [Historical grammar of Russian. The dual number]. Moscow: Azbukovnik, 2001.]
- Историческая грамматика 1982 — Аванесов Р. И., Иванов В. В. (ред.). *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*. М.: Наука, 1982. [Avanesov R. I., Ivanov V. V. (eds.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol* [Historical grammar of Russian. Morphology. Verb]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Калинина 2001 — Калинина Е. Ю. *Нефинитные сказуемые в независимом предложении*. М.: ИМЛИ РАН, 2001. [Kalinina E. Yu. *Nefinitnye skazuemye v nezavisimom predlozhenii* [Non-finite predicates in an independent clause]. Moscow: Gorky Institute of World Literature, 2001.]
- Колесов 1976 — Колесов В. В. Динамика форм прошедшего времени в древнерусских памятниках. *Проблемы исторического языкознания*. Вып. 1: *История русского языка: Древнерусский период*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976, 74–93. [Kolesov V. V. Dynamics of past tense forms in Old Russian manuscripts. *Problemy istoricheskogo yazykoznanija*. No. 1: *Istoriya russkogo yazyka: Drevnerusskii period*. Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1976, 74–93.]
- Корчагина 1995 — Корчагина Е. В. *Отглагольные прилагательные на -л- в истории русского языка (XI–XVII вв.)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. [Korchagina E. V. *Otglagol'nye prilagatel'nye na -l- v istorii russkogo yazyka (XI–XVII vv.)* [Deverbal adjectives in -l- in history of Russian (11th–17th centuries)]. Ph.D. diss. abstract. Moscow, 1995.]
- Кузнецов 1954 — Кузнецов П. С. *Русская диалектология*. М.: Учпедгиз, 1954. [Kuznetsov P. S. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Uchpedgiz, 1954.]
- Кузнецов 1959 — Кузнецов П. С. *Очерки исторической морфологии русского языка*. М.: Изд-во АН СССР, 1959. [Kuznetsov P. S. *Oчерki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka* [Essays on historical morphology of Russian]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959.]
- Лихачев 1987 — Лихачев Д. С. (ред.). *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. [Likhachev D. S. (ed.). *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [A dictionary of Old Russian scribes and scripture]. No. 1 (11th — early 14th century). Leningrad: Nauka, 1987.]
- Ляончанка 1957 — Ляончанка Д. А. *Гісторыя дзеяпрыметнікаў у беларускай мове*. Минск, 1957, рукопись. [Lyaonchanka D. A. *Historya dzeiaprymetnikaw u belaruskai move* [History of participles in Belarusian]. Minsk, 1957, ms.]
- Мейе 1934/2000 — Мейе А. *Общеславянский язык*. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. [Meillet A. *Le slave commun*. 2e édn. Paris: Honoré Champion, 1934. Transl. into Russian.]
- Мильков, Симонов 2011 — Мильков В. В., Симонов Р. А. *Кирик Новгородец: ученый и мыслитель*. (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты, VII.) Москва: Круг, 2011. [Mil'kov V. V., Simonov R. A. *Kirik Novgorodets: uchenyi i myslitel'* [Kirik the Novgorodian: A scholar and a thinker.]. (Pamyatniki Drevnerusskoi Mysli: Issledovaniya i Teksty, 7.) Moscow: Krug, 2011.]
- Обнорский 1953 — Обнорский С. П. *Очерки по морфологии русского глагола*. М.: Изд-во АН СССР, 1953. [Obnorskii S. P. *Oчерki po morfologii russkogo glagola* [Essays on Russian verbal morphology]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953.]
- Пентковская 2009 — Пентковская Т. В. *Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII–XIV вв.: Чудовская и Афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон*. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2009. [Pentkovskaya T. V. *Vostochnoslavyanskije i yuzhnoslavyanskije perevody bogoslužebnykh knig XIII–XIV vv.: Chudovskaya i Afonskaya redaktsii Novogo Zaveta i Ierusalimskii Tipikon* [East and South Slavic translations of liturgical books of 13th–14th centuries: Chudovo and Aphon recensions of the New Testament and the Jerusalem Typikon]. Ph.D. diss. Moscow, 2009.]
- Петрухин 2004 — Петрухин П. В. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку. *Russian Linguistics*, 2004, 28: 73–107. [Petrukhin P. V. Perfect and pluperfect in the Synodal copy of the First Novgorodian Chronicle. *Russian Linguistics*, 2004, 28: 73–107.]
- Петрухин 2008 — Петрухин П. В. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. Гусев В. Ю., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). М.: Гнозис, 2008, 213–240. [Petrukhin P. V. Discursive functions of Old Russian pluperfect: Evidence from the Kiev and Galician-Volhynian Chronicles. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse*. Gusev V. Yu., Plungian V. A., Urmancieva A. Yu. (ed.). Moscow: Gnozis, 2008, 213–240.]

- Пичхадзе 2011 — Пичхадзе А. А. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности. *Библеистика. Славистика. Русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библеистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева*. Алексеева Е. Л. (ред.). СПб.: СПбГУ, 2011, 462–480. [Pichkadze A. A. Slavic predicative participle in dependent clauses as a marker of modality and evidentiality. *Bibleistika. Slavistika. Rusistika. K 70-letiyu zaveduyushchego kafedroi bibleistiki professora Anatoliya Alekseevicha Alekseeva*. Alekseeva E. L. (ed.). St. Petersburg: Saint Petersburg State Univ., 2011, 462–480.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Попова 1999 — Попова Т. Н. Формы прошедшего времени глагола в летописных текстах (на материале Новгородской I летописи младшего извода и Московского летописного свода конца XV века). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999. [Popova T. N. *Formy proshedshego vremeni glagola v letopisnykh tekstakh (na materiale Novgorodskoi I letopisi mladshogo izvoda i Moskovskogo letopisnogo svoda kontsa XV veka)* [Past tense verb forms in chronicles: A case study of the Novgorod First Chronicle of the Younger recension and the Moscow Chronicle of the late 15th century]]. Ph.D. diss. abstract. Kazan, 1999.]
- Потебня 1888/1958 — Потебня А. А. *Из записок по русской грамматике*. Т. I–II. М.: Учпедгиз, 1958. [Potebnya A. A. *Iz zapiskov po russkoi grammatike* [From essays on Russian grammar]. Vol. I–II. Moscow: Uchpedgiz, 1958.]
- Семянко 1963 — Семянко В. А. *Спрягаемые глагольные формы в 1-й Новгородской летописи (формы времени, наклонения, вида и залога)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. [Semyanko V. A. *Spryagaemye glagol'nye formy v 1-i Novgorodskoi letopisi (formy vremeni, nakloneniya, vida i zaloga)* [Finite verb forms in The First Novgorodian Chronicle (forms of tense, mood, aspect, and voice)]. Ph.D. diss. abstract. Moscow, 1963.]
- Сигалов 1967 — Сигалов П. С. К истории зловых причастий-прилагательных. *Ученые записки Тартуского гос. ун-та*, 1967, 200 (= *Труды по русской и славянской филологии X, серия лингвистическая*): 3–45. [Sigalov P. S. On the history of participles-adjectives in -l. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1967, 200 (= *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii X, seriya lingvistsicheskaya*): 3–45.]
- Скачедубова 2017 — Скачедубова М. В. К интерпретации случаев употребления -л-форм без связки (на материале Ипатьевской летописи). *Slavistična revija*, 2017, 1: 115–125. [Skachedubova M. V. Towards interpretation of the occurrences of -l-forms without copula: Evidence from the Hypatian Chronicle. *Slavistična revija*, 2017, 1: 115–125.]
- Скачедубова 2018а — Скачедубова М. В. Об интерпретации -л-формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-й Новгородской летописях. *Вопросы языкознания*, 2018, 5: 64–76. [Skachedubova M. V. On the interpretation of l-forms without auxiliary used in pluperfect contexts in Hypatian Chronicle and the First Novgorodian Chronicle. *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 5: 64–76.]
- Скачедубова 2018б — Скачедубова М. В. К вопросу об отражении перфекта на -ши в памятниках северо-западного региона. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2018, 5: 31–36. [Skachedubova M. V. On the representation of perfect in -ši in the manuscripts of Northwest Russia. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2018, 5: 31–36.]
- Скачедубова 2019 — Скачедубова М. В. *Функционирование -л-формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей)*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ РАН, 2019. [Skachedubova M. V. *Funkcionirovanie -l-formy v drevnerusskom narrative (na materiale rannikh letopisei)* [Functioning of the -l-form in Old Russian narrative (based on early chronicles)]. Ph.D. diss. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2019.]
- Фроянова 1970 — Фроянова Т. И. *Формы перфектной группы в памятниках новгородской письменности XII–XV веков*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970. [Froyanova T. I. *Formy perfektnoi grupy v pamyatnikakh novgorodskoi pis'mennosti XII–XV vekov* [Perfect-related forms in Novgorodian manuscripts of 12th–15th centuries]]. Ph.D. diss. abstract. Leningrad, 1970.]
- Чиркина 1954 — Чиркина И. П. *Отглагольные прилагательные с суффиксом -л- в современном русском языке*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. [Chirkina I. P. *Otglagol'nye prilagatel'nye s suffiksom -l- v sovremennom russkom yazyke* [Deverbal adjectives with the suffix -l- in Modern Russian]]. Ph.D. diss. abstract. Moscow, 1954.]

- Шаяхметова, Жолобов 2017 — Шаяхметова Э. Х., Жолобов О. Ф. Функционально-семантические особенности перфектных форм в сборнике XIII века. *Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки*, 2017, 159, 5: 1163–1174. [Shayakhmetova E. Kh., Zholobov O. F. Functional-semantic features of perfect forms in a 13th-century Old Russian manuscript. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2017, 159, 5: 1163–1174.]
- Шевелева 2001 — Шевелева М. Н. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть*. *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора К. В. Горшковой*. Галинская Е. А., Клобуков Е. В. (ред.). М.: Изд-во Московского университета, 2001, 199–216. [Sheveleva M. N. On the loss of the Old Russian perfect and origin of dialectal structures with the word *est'*. *Yazykovaya sistema i ee razvitie vo vremeni i prostranstve: Sbornik nauchnykh statei k 80-letiyu professora K. V. Gorshkovi*. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 2001, 199–216.]
- Шевелева 2007 — Шевелева М. Н. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах. *Русский язык в научном освещении*, 2007, 2(14): 214–252. [Sheveleva M. N. «Russian pluperfect» in the Old Russian texts and modern dialects. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2007, 2(14): 214–252.]
- Шевелева 2009 — Шевелева М. Н. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке). *Русский язык в научном освещении*, 2009, 2(18): 144–174. [Sheveleva M. N. “Sequence of tenses” in the language of Old Russian chronicles (on formation of relative use of tenses and indirect speech in Russian). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2009, 2(18): 144–174.]
- Шевелева 2015 — Шевелева М. Н. О некоторых глагольных формах в «Поучении» Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI–XII вв. *Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 2015, 4(1): 564–577. [Sheveleva M. N. On some verb forms in the Testament of Vladimir Monomach and the language of Kiev at the turn of the 11th and 12th centuries. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 2015, 4(1): 564–577.]
- Якубинский 1953 — Якубинский Л. П. *История древнерусского языка*. М.: Учпедгиз, 1953. [Yakubinskii L. P. *Istoriya drevnerusskogo yazyka* [History of Old Russian]. Moscow: Uchpedgiz, 1953.]
- Comrie 1985 — Comrie B. *Tense*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Klenin 1993 — Klenin E. The perfect tense in the Laurentian Manuscript of 1377. *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava. Literature. Linguistics. Poetics*. Maguire R. A., Timberlake A. (eds.). Columbus (OH): Slavica Publ., 1993, 330–343.
- Кореčný 1958 — Кореčný F. Příspěvek k problému slovanského přičesti l-ového. *IV Mezinárodní sjezd slavistův: Sлавянская филология: Сборник статей II*. М.: Изд-во АН СССР, 1958, 138–163. [Korečný F. Towards the problem of the Slavic l-participle. *IV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov: Slavyanskaya filologiya: Sbornik statei II*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, 138–163.]
- Majer 2014 — Majer M. The origin of the 'l-less perfect' in the Novgorod birchbark documents. *Russian Linguistics*, 2014, 38(2): 167–185.
- Růžička 1963 — Růžička R. *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen*. Berlin: Akademie-Verlag, 1963.